

Афинская Зоя Николаевна

МОТИВ В ЕГО ОТНОШЕНИИ К ЛИНГВОКОГНИТИВИСТИКЕ

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Факультет иностранных языков и регионоведения

1. Введение.

Лингвокогнитивистика и лингвокультурология становятся одними из наиболее актуальных и развивающихся направлений языкознания (Ю.С.Степанов, Н.Д.Арутюнова, Е.С.Кубрякова, Ю.Н.Караулов, В.В.Красных, В.И.Карасик, Н.Ф.Алефиренко, Л.О.Чернейко, П.Серио, М.Пешё др.). Наряду с всесторонне исследованными терминами этих лингвистических направлений, таких как дискурс, концепт, образ и тема в их орбиту вовлекаются новые и менее изученные понятия – *мотив* и *мотивация* (Р.Барт, В.З.Демьянков, Ю.С.Степанов), которые будут более подробно рассмотрены в дальнейшем.

Мотив как компонент анализа художественного текста на протяжении всего XX века привлекал внимание главным образом литературоведов и фольклористов. Основы литературоведческих концепций мотива в качестве неразложимого элемента сюжета, заложенные русскими филологами (В.Я.Пропп, А.Н.Веселовский, Б.В.Томашевский, В.Б.Шкловский, М.М.Бахтин, Ю.М.Лотман) оказались настолько перспективными, что не только не потеряли своей актуальности, но получили развитие в структурно-семиотических исследованиях XX и XXI веков. «...Исключительный интерес представляет рассмотрение идей Веселовского, - утверждал К.Леви-Стросс. По Веселовскому сюжет распадается на мотивы, и ему же принадлежит творческий акт соединения, собирания воедино мотивов, представляющих собой неразложимые элементы».[21,с.11] Тезис Б.В.Томашевского («мотив – это мельчайший тематический элемент содержательной стороны литературного произведения» [Цит.по 24,с.59]) стал основой для тематической трактовки

мотива в качестве необходимого компонента сюжета или темы произведения, который позволяет представить пространственно-временную характеристику текста во множестве взаимосвязанных деталей. «Мотив – пишет В.Е.Ветловская - та простейшая единица темы (выраженная словом, или словами, или предложением), чья дальнейшая разложимость для темы уже безразлична, она не важна».[7,с.104] Так называемый «молекулярный» статус мотива вызывал сомнение и у К.Леви-Стросса, но, безусловно, анализ текста с помощью неких простейших единиц представлял значительный шаг вперед на пути развития семиотики. Понимание мотива как простейшей единицы текста было связано вначале с осмыслением образной структуры текста, о чем говорил французский лингвист Ж.Пиаже: «Образ – это уже дифференцированное означающее, более, чем признак, так как он оторван от воспринимаемого объекта, но менее, чем знак, так как он остается имитацией объекта, а значит, мотивированным знаком». [Цит.по25,с.151]

В настоящее время наблюдается поиск нового теоретического синтеза в понимании мотива, его природы и функций, что свидетельствует, во-первых, о «незавершенном, открытом характере теории повествовательного мотива» [24,с.262], а во-вторых, о перспективах его изучения в разных направлениях речевой деятельности. Понимание языка как когнитивной способности, позволяющей реализовать принципы познавательной деятельности человека, по словам Е.С.Кубряковой, «привели к переносу некоторых психологических понятий... на языковые единицы и выражения».[20,с.186] Наряду с такими понятиями, как *селективность*, *фон*, *фигура* и др., привлечших внимание лингвистов, вполне заслуживают внимание такие понятия, как *мотив* и *мотивация*.

2. Сопоставительный обзор значений слов *мотив* и *le motif* по французским и русским словарям.

Анализ семантики слова логично начинать с его представления в словарях, которые дают достаточно точное и объемное представление о сферах

употребления этого слова. Семантическое поле *мотива* и *мотивации* охватывает причинно следственные связи - от причины до доказательства и объяснения. *Мотив* – побуждение, причина; *Мотивировать* – доказывать, объяснять; *мотивировка* – объяснение.[1,с.222] В русском языке слово *мотив* расширило свое лексемное поле за счет распространенной словообразовательной модели с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса – *мотивчик*; *мотивация* и *мотивировать* стали основой для семантических терминов *мотивирующие* и *мотивируемые* слова. Таким образом, вырисовывается дихотомическая направленность семантики понятийного ядра *мотив*, *мотивация*, *мотивировать*. Причина и объяснение находятся, с одной стороны, в квази-синонимических отношениях, а с другой, - не лишены идеи противопоставления, и, если невозможно полностью отнести их к лексическим антонимам, то значительная доля противопоставления в их семантике, несомненно, присутствует.

Сопоставление данных русских и французских словарей свидетельствует о параллелизме значений этих слов, что вполне объяснимо, так как русское слово *мотив* было заимствовано из французского языка - *le motif*. . В семантике этого слова преобладают когнитивные смыслы – *побуждение* к ч.-л.. *Le motif* является также концептом и понятием, получившим распространение в научных дискурсах - юриспруденции, кристаллографии, психологии, в маркетинге (крупные фирмы создают так называемые *les groupes d'achat*, задачей которых является определение возможных мотиваций поведения покупателей, мотивов его выбора и предпочтений в процессе покупки), в музыке и прикладных искусствах. Таким образом, *мотив* имеет, в целом, три основные значения: 1) когнитивный концепт, означающий рациональные, продуманные поступки и намерения, используемый в разных стилях общенародного языка; 2) некая повторяющаяся и достаточно четко организованная структура элементов, значимая в области искусства (тема, мотив, лейтмотив и вариации в музыкальном произведении) и в естественных науках (определенная аранжировка атомов, повторяемость которой порождает кристаллическую сеть);

3) как часть некоего единства (часть музыкальной темы). *Мотив* обладает также метафорическим значением: в русском языке существует выражение «отправиться на этюды, писать природу», которому во французском языке соответствует – букв. «пойти на мотив» (*aller sur le motif*). Использование этого слова в разных дискурсах и стилях обеспечивает ему прочные позиции во французском и русском лексиконах.

Слово *motivation* n.f., также как и русский аналог, означает *объяснение, причины* физиологической или психологической природы поведения человека в разных сферах деятельности – психологическая природа человека сложна и невозможно только одним чувством или одним побуждением оправдать поведение человека.

При явной сопоставимости значений интересующих нас лексем во французском и русском языках, обращает на себя внимание тот факт, что в русском языке существует не только *мотивация*, но и *мотивировка* - слово, аналога которого нет во французском языке. Существенным компонентом общего значения мотивации и мотивировки является причина и объяснение мотивов и поступков, что позволяет их рассматривать в качестве аналогов. *Мотивировка* существенна в своей четкой обоснованности и формулированности, поэтому сферой употребления этой лексемы служит, по большей части, юриспруденция, когда требуется логически выстроить систему мотивов «за» и «против». Между тем, в повествовании о характере и поступках героев художественных произведений «в л о г и ч е с к о й м о т и в и р о в к е, - пишет Ю.С.Степанов, - нет необходимости» (разрядка автора).[28,с.106] Различие между *мотивацией* и *мотивировкой* существенно для психологического контекста и состоит в том, что *мотивировка* обязательно вербализована, а *мотивация* может и не быть вербализована.[14] Мотивация относится к сфере психологического настроения личности; она понятна «без слов», так как психологическая природа человека, представляющего разные этнокультуры, едина, а ее исследование по-прежнему актуально. Отличие *мотивации* от *мотивировки* существенно не только в контексте

психологического дискурса, а именно: *мотивировка* обязательно вербализована, а *мотивация* может только подразумеваться и быть выявлена с помощью определенных процедур и методологии анализа речевой деятельности.[14] Вторым существенным отличием мотивировки от мотивации оказывается признак каузальности: обязательная вербализация мотивировки связана с экспликацией причин поступков, действий, намерений, высказываний. Мотивация направлена преимущественно на будущее, в определенном смысле она близка стимулу. Мотив характеризуется темпоральной разнонаправленностью – «...мотивы психических состояний могут относиться как к прошлому, так и к будущему», пишет Н.Д.Арутюнова [2,с.46].

Если оправдано видение когнитивистики, с точки зрения Е.С.Кубряковой, как междисциплинарной науки и в ее тесной связи с психологией, то необходимо отметить, что в русском психологическом дискурсе функционируют два термина – *мотивация* и *мотивировка*, в отличие от французской терминосистемы, где оба понятия обозначаются словом *la motivation*.

Таким образом, на основе сопоставления значений слов в русских и французских словарях можно убедиться, что при явной сопоставимости значений – прямых и метафорических – русский язык создает новые однокоренные слова, используя русские словообразовательные модели. Остается выяснить их способность к терминологизации и возможности существования в качестве не только константных понятий, но и терминов-концептов в различных дискурсах. «Пришло время, - по мнению А.Вежбицкой, - для согласованных усилий по выявлению общего набора понятий, лежащих в основе психологического единства человечества».[6,с.86] На наш взгляд, *мотив* относится к таким словам, а изучение мотивации речевой деятельности требует глубокого анализа и всестороннего наблюдения, актуализированного в сфере антропоцентрических, лингвокультурологических исследованиях.

3. Мотив как лингвокультурологическая категория

Мотив, означая побудительную причину, повод, довод в пользу чего-л., будучи также простейшей единицей сюжета, простейшей ритмической единицей,[30] используется в качестве термина в различных научных дисциплинах: в искусствоведении (мотив и лейтмотив в музыке и живописи), в литературоведении (мотивы в творчестве писателей) в юриспруденции (мотив преступления), в психологии (мотивы поступков). Столь широкое употребление этого слова говорит о том, что его семантика во всей многозначности понятна специалистам разных научных отраслей и так называемым неспециалистам – обычному «человеку говорящему», - которые в совокупности образуют этнокультурное единство, или этноязыковую личность. *Мотив* к тому же обладает свойством ключевых для европейской культуры слов: он употребляется в быденном языке и в научном стиле многих языков.[42]

В языкознании понятие мотивации связано, прежде всего, с лексикологией, означая явление более или менее явной соотнесенности плана содержания с планом выражения: «Мотивированность определяется как причинная связь между звуком и смыслом, звучанием и значением слова».[10,с.34] Мотивация характеризует не только лексику (*miauler, répondre du tac au tac*), но, как отмечал Ш.Балли, ударение и интонация, также могут «приобретать символическое, или, иначе говоря, мотивирующее значение».[4,с.148] Тем самым Балли «вывел» явление мотивации из сферы лексикологии в область речевой деятельности. Г.Гийом также выступал против идеи немотивированности знака, возникшей вследствие определенной трактовки идей Ф.Соссюра; связь между значениями и знаками, выражающими эти значения, Гийом относил к области *языковой*, а область знака, выражения – к *речевой*, дискурсивной.[25] Значение мотивов в производстве речевых актов состоит «не только в возможной модификации языковых средств, но прежде всего в их отборе и комбинировании».[10,с.9] Продолжая мысль В.Г.Гака, можно предположить, что процесс отбора и комбинирования речевых актов невозможен без причин, побудивших его, иными словами без мотивации.

Актуальность понятия *мотив* постоянно растет по мере освоения теории диалогизма языковой личности, заложенной М.М.Бахтиным и развивающейся в трудах Ю.Н.Караулова, Н.Д.Арутюновой, Е.С.Кубряковой, В.И.Карасика и др., а также французских ученых – F.Rastier, G.Gross, M.Prandi, P.Cadiot, Y.-M.Visetti и др. В рамках когнитологии *мотив* конкурирует с набирающим актуальность термином *образ*, а также с одним из фундаментальных понятий этого направления языкознания – концептом.

Мотивы могут быть совершенно разными по своей природе и значимости - от разнообразных эмоций до сугубо рациональных идей, - поскольку, возникая подспудно на психологическом уровне, они несут в себе в совмещенном, нерасчлененном виде большой спектр аффективных и логических доводов. Они, подобно концептам, используя образное выражение Ю.С.Степанова, «парят над концептуализированными областями»; их необходимо «извлекать» из текста, опираясь на интонационные, лексические и синтаксические показатели.

В определенной степени понятие *мотив* близко понятию коннотации, так как, «особенности речеупотребления, дополнительные смысловые нагрузки, политические, культурные, исторические и тому подобные коннотации единиц языка и речи»[29,с.37-39] представляют тот культурный фон, который не только интересен, но и необходим в процессе изучения иностранного языка и, соответственно, наиболее существенных этнокультурных концептов. Коннотационное содержание речевой деятельности, безусловно, связано с различными мотивами и с разной мотивацией деятельности языковой личности, что и объясняет растущий интерес лингвистов и филологов к концептам *мотив* и *мотивация*. [39;33]

Не только речевая, но и любая деятельность вообще, согласно А.А.Леонтьеву, имеет три стороны: мотивационную, целевую и исполнительную: «Единичный акт деятельности есть единство всех трех сторон. Он начинается мотивом и планом и завершается результатом, достижением намеченной вначале цели...»[22,с.26] Процесс отбора и

комбинирования языковых средств (сколь бы ни был он моментальным, импровизационным или, напротив, обусловленным социально) носит динамический характер, должен быть непременно мотивированным, спровоцированным какой-либо причиной, имеющей для каждого автора речевого акта личный характер, личный резон, поскольку, как пишет Е.С.Кубрякова, «речевая деятельность есть не только манифестация системы языка, но и проявление индивидуального опыта и индивидуальных знаний этой системы говорящими... она представляет собой реализацию языковых способностей, языковых знаний, дара речи отдельной личности».[19,с.17]

С позиций теории языковой личности, получившей наиболее полное обоснование в работах Ю.Н.Караулова, многоаспектное описание феномена культурной идентичности в языке предполагает: а) характеристику индивидуальных отличий в лексике и синтаксисе «человека говорящего»; б) на основе произведенных текстов реконструкцию картины мира языковой личности; иными словами, выявление не только общепринятых смыслов слов, но самое главное тех значений, которые дают представление о духовном, культурном и научном кругозоре языковой личности; в) «выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в процессах порождения текстов и их содержания, а также в особенностях восприятия чужих текстов».[18,с.43] На мотивационном уровне формируются устойчивые коммуникативные потребности, те цели, которые преследовал «человек говорящий» для того, чтобы выразить свои мысли и чувства, самую суть своих мыслей. Цель и мотив, объединенные намерением языковой личности высказаться, составляют единый мотивационный комплекс, в котором цель рассматривается как «un type spécial de motif, prospectif et s'identifiant avec le contenu d'une intention» [39,с.3] («особый тип мотива, обращенный в будущее и идентичный содержанию намерения» - пер.З.А.). Если попытаться разграничить квазисинонимические понятия – причина, цель и мотив, то необходимо обратить внимание на их временную разнонаправленность. Причина, согласно Н.Д.Арутюновой, «конкретизируется

в событиях прошлого, цель относится к плану будущего, мотив человеческих поступков и психических состояний может быть заключен как в прошлом, так и в будущем».[2,с.46] Двойная временная направленность мотива (к прошлому как одна из причин и к будущему как целенаправленное действие) представляет интерес в сфере лингводидактики, в процессе работы над текстом.

Новый поворот в осмыслении функций мотива в разных дискурсах наступил в конце XX века в связи с развитием лингвокогнитивистики, лингвокультурологии и лингвистической прагматики. Мотив, обретая статус междисциплинарного термина, становится особенно актуальным не только в литературоведении, но и лингвистических дисциплинах, таких как семиотика (P.Cadiot, Y.-M.Visetti, G.Gross, M.Prandi и др.), нарратология и коммуникативная контекстология ((В.И.Тюпа), лингвистическая прагматика и дискурс (И.В.Силантьев, Е.К.Ромодановская).[23,с.262] Создается новое междисциплинарное направление – мотивика с системой аналитических единиц, таких как мотивема (наиболее повторяющаяся тема) и алломотив (индивидуально понимаемая мотивема).[30,с.6] Мотив рассматривается в ракурсе контекстологии (Ю.В.Шатин) и коммуникативной прагматики (В.И.Тюпа) и дискурса (И.В.Силантьев, Е.К.Ромодановская). Прагматическое содержание мотивемы и алломотива, а также их когнитивное своеобразие выявляются при анализе функционирования этих знаков в конкретных типах дискурса. Вне контекста определенного дискурса мотивы, мотивемы и алломотивы – «это абстрактные единицы, смысл которых равен их лексическому значению...»[30,с.6] Только в контексте и конкретном дискурсе эти аналитические единицы обрастают определенным набором значений, результатом чего становится их семантическая конкретизация. «Исследованию значения любого мотива должно предшествовать исследование контекста, в котором он существует, - замечает Ю.В.Шатин.[30,с.7]

Предикативность мотива, обладающего пространственно-временными признаками, представляется особенно перспективным для исследования в ракурсе лингвокогнитивистики, так как позволяет «трактовать мотив не

только в системе художественного языка, но и в прагматико-коммуникативном плане – в системе...дискурса...» [23,с.67] И поскольку дискурс «... концентрируется вокруг некоторого опорного концепта...», [11] то таким «опорным» элементом его может выступать и мотив, если у него появляются концептуальное содержание. Эти идеи высказывались Ю.С.Степановым, согласно которому концепты могут быть выражены «как в слове, так и в образе или материальном предмете; они находятся всегда в контексте, который образует последовательность эпизодов, представлений, микромотивов». [27,с.26-27]

Мотив в качестве семантически значимого компонента дискурса активно изучается во французской школе семантики и семиотики (Ж.Женетт, Р.Барт, Р.Cadiot, Y.-M.Visetti. F.Rastier, G.Gross, M.Prandi и др.). Согласно концепции Кадью-Визетти, в которой они развивают идеи русского формализма, наиболее интересно исследовать дискурсы в ракурсе триады «тема-мотив-профиль», когда в тексте обозначается семантически значимая тема, и она изучается сквозь призму конкретных мотивов, «профилированных» синтаксически. Цель и мотив, объединенные намерением языковой личности высказаться, составляют единый мотивационный комплекс, в котором цель рассматривается как «un type spécial de motif, prospectif et s'identifiant avec le contenu d'une intention» [39,с.77-112] («особый тип мотива, обращенный в будущее и идентичный содержанию намерения» - пер. З.А.).

Сопоставительный анализ мотива в фольклористике, нарратологии, семиотике и семантике позволил И.В.Силантьеву предложить наиболее емкое и обоснованное определение мотива: «это а) эстетически значимая повествовательная единица, б) интертекстуальная в своем функционировании, в) инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариативная в своих событийных реализациях, г) соотносящая в своей семантической структуре

предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками».[24,с.96]

Будучи изначально связанным с литературоведческим термином образ, понятие *мотив* постепенно обретает самостоятельный статус в когнитологии в связи с исследованием одного из фундаментальных понятий этого направления языкознания – концептом. Среди многочисленных дефиниций *концепта* остановимся на определении этого феномена, которое предложил Ю.С.Степанов, так как оно наиболее точно вписывается в проблематику мотива, а именно: «Концепт – это... сгусток культуры в сознании человека... концепты не только мыслятся, они переживаются».[27,с.43] *Переживание* языковой личностью того или иного концепта связано с его эмоциональной мотивацией, с тем, что концепт всегда находится в каком-либо контексте, состоящим из разных мотивов, поэтому «концепты могут «парить» над концептуализированными областями, выражаясь как в слове, так и в образе...» [27,с.75] Семантическая природа мотивов чрезвычайно сложна - от разнообразных эмоций до сугубо рациональных идей, Поскольку, возникая подспудно на психологическом уровне, они несут в себе в совмещенном, нерасчлененном виде большой спектр аффективных и логических доводов. Подобно концептам, они, по образному выражению Ю.С.Степанова, «парят» над концептуализированными областями», образуя некую последовательность «микромотивов».[27,с.76]

О перспективе рассмотрения мотива в связи с изучением концептов упоминается в работах В.З.Демьянкова, где создается своеобразный мостик между мотивом в русской школе формализма и лингвокогнитологией. Лингвистический термин «*концепт*» в значительной степени соответствует тому, - полагает В.З.Демьянков, - что исследователи литературы называют *мотивом*».[12,с.34]

Концепты в ракурсе лингвокультурологии классифицируются как «1) специализированные этнокультурные и социокультурные концепты, в

концентрированном виде выражающие особенности соответствующей культуры, 2) неспециализированные концепты, культурная специфика которых выражена в меньшей мере и требует поиска скрытых культурно значимых ассоциаций, 3) универсальные концепты, не имеющие культурной специфики» [16,с.9].

4. Мотив и языковая личность.

Язык - разнообразная в стилистическом отношении деятельность, где постоянно происходят как процессы размежевания стилей, так и объединительные тенденции в пределах единого литературного языка; последние, как представляется, выражены в понятии языковой личности, которая «...пронизывает и все аспекты языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека».[18,с.3] С позиций теории языковой личности, получившей наиболее полное обоснование в работах Ю.Н.Караулова, многоаспектное описание феномена «человека говорящего» предполагает, среди прочего: а) характеристику индивидуальных отличий в его лексике и синтаксисе; б) выявление не только общепринятых смыслов слов, но самое главное тех значений, которые дают представление о духовном, культурном и научном кругозоре языковой личности; в) «выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в процессах порождения текстов и их содержании, а также в особенностях восприятия чужих текстов» [18,с.43]. На мотивационном уровне формируются устойчивые коммуникативные потребности, те цели, которые преследовал «человек говорящий» для того, чтобы выразить свои мысли и чувства, самую суть своих мыслей.

На основании только лексикона (вербально-семантического «портрета» языковой личности), на основе употребления, например, иностранных слов неправомерно делать заключение об идеологических предпосылках автора текста. Необходимо выявление мотивов и целей, движущих развитием

языковой личности, ее поведением, управляющих ее «текстопроизводством». На лингвокогнитивном уровне обнаруживается базовая часть картины мира языковой личности, на высшем уровне обнаруживаются коммуникативные потребности, «информирующие о внутренних установках, целях и мотивах».[18,с.39]

Концептосфера (будучи сопоставимой в рамках семантического анализа дискурса, разрабатываемой французской школой семиотики, с *темой*), это - «не слово, не предложение и не дискурс... Одновременно, эти искомые аналитические единицы, будучи принадлежностью текстов... должны обладать когнитивной природой, то есть нести новое знание... Перечисленным условиям отвечают единицы, которые а) извлекаются из текстов и б) структурируются в соответствии с концептуальным статусом»[17,с.177] ключевого слова. Статус этого слова определяется Ю.Н.Карауловым как концептосфера, а сам концепт «слагается из элементарных (минимальных) единиц знаний о мире – когнем, которые представлены непосредственно в тексте». [17, с.177]

Процесс отбора и комбинирования языковых средств (сколь бы ни был он моментальным, импровизационным или, напротив, обусловленным социально) носит динамический характер и должен быть непременно мотивированным, спровоцированным какой-либо причиной, имеющей для каждого автора речевого акта личный резон, поскольку, как пишет Е.С.Кубрякова, «речевая деятельность есть не только манифестация системы языка, но и проявление индивидуального опыта и индивидуальных знаний этой системы говорящими... она представляет собой реализацию языковых способностей, языковых знаний, дара речи отдельной личности».[18,с.17]

Интеграционный потенциал языковой личности позволяет обнаружить взаимодействие разных дискурсов в пределах единого литературного языка. Методология исследований специфики различных дискурсов, предложенная Ю.Н.Карауловым, представляет собой триединую структуру «концептосфера –

концепт - когнема», в которой, как представляется, когнема в качестве простейшей единицы темы, соответствует мотиву.

Проиллюстрируем весь комплекс когнитивных единиц, связанных с понятием *французское* в прозе А.П.Чехова:

- «Ну будь мы какие-нибудь плебеи, необразованные... а то ведь ты дворянин... по-французски говоришь»;

- чиновник Воротов решил «... во что бы то ни стало побороть свою врожденную лень и изучить французский»;

- «Однако как хорошо говорим мы по-французски!»;

- «...эти французы себе на уме!»;

- «она разоряет меня как французская кокотка»;

- дворник Филипп: «Все люди мудрые, нет ни одного дурака... все французы и французы». [Цит. по 3]

В данном случае концептом является *французский мир*, отраженный в картине мира чеховских персонажей. Анализ когнем-мотивов показывает, что в рассказах А.П.Чехова выразителями восторженного отношения к Франции становились самые ограниченные и недалекие персонажи. Французский язык в устах чеховских героев выполняет функцию лакмусовой бумаги, выявляя определенные черты русского характера, которые кажутся Чехову характерными для русского менталитета.

Концептосфера формируется комплексом концептов, именно их собрание создает представление о чеховской картине мира, об образе Франции в творчестве и мировоззрении А.П.Чехова. Когнитивная значимость концептов, формирующих более широкую семантическую область, которую можно назвать тематикой чеховского мира, состоит в том, что благодаря ей возможно выявить мотивацию поступков и высказываний различных персонажей. Взятый в отрыве от когнем-мотивов, концепт *французское* не может раскрыть весь объем и философско-культурологическую многоплановость темы идентичности русской нации, как ее видел А.П.Чехов.

5. Мотив как категория семантики.

Новые подходы к мотиву как лингвистической категории, выходящей за традиционные рамки лексикологии, были обозначены в работах французских лингвистов П.Кадьо и И.-М.Визетти [33], которые предложили исследовать нюансы мотивационного содержания концептов сквозь призму семантической триады – *мотив, профиль, тема*. Мотив – многоаспектное явление: он может иметь как явное, конкретное выражение в речи, так и имплицитное, которое выявляется с помощью семантического анализа текста. Использование понятия *мотив* дает возможность увидеть все потенциальное богатство слова-концепта. Эксплицировать мотив означает, по сути, обозреть не только значения слова, принятые в обыденной речи, но и выявить его латентные значения эстетической, символической и функциональной природы («...*motif ouvre... sur toute la richesse sémantique potentielle du mot et, de fait, expliciter un motif ce sera suggérer des valeurs latentes de type esthétique, symbolique, fonctionnelle, praxéologique, perceptuelle etc.*») [34,с.155] Мотивом могут служить как реальные события и действия в прошлом, так и намерения, – и все это вместе взятое побуждает личность к действию.[39]

Однако, мотив, выраженный лексемой, взятый в отрыве от общей *темы*, от понятийного и эмоционального фона, которым его могла бы наделить языковая личность, сохраняет свою многозначность, присущую каждому слову, что делает его с семантической точки зрения «нестабильным» (*instable*), согласно терминологии Кадьо и Визетти. Мотивы опознаются только в виде «эффективной гаммы употреблений» («*reconnaissables sous la vérité effective des emplois*») [33,с.103], и в этом, на наш взгляд, их созвучность понятию когнема. Профиль дифференцирует смысл мотива, выполняя связующую функцию между различными лексико-синтаксическими единицами, благодаря которым мотив выходит из латентного состояния, вступая в смысловые отношения с другими словами, взаимодействуя с лексикой внутри синтагмы.

Особенности своей концепции П.Кадьо и И.-М.Визетти показали на примере семантического анализа слова *школа (école)* по модели *мотив-*

профиль-тема. Концепт *школа* можно рассматривать в разных дискурсах как: 1) программа, проект, передача знаний... 2) аггломерация, сообщество...3) предприятие, имеющее план и задачи. Мотив *школа*, взятый в качестве лексемы, «нестабилен» с точки зрения его семантической мотивации - его необходимо *профилировать* контекстом, выбрав один из вышеперечисленных аспектов. Тематически «школа» может существовать в поле *страна, образование, идеология* и др., где будут различные синтагматические единицы мотива *школа*. [33, с.108-111]

Опираясь на основные идеи этой концепции, представляется интересным и перспективным при анализе дискурсивных характеристик текстов применить методику *мотив-профиль-тема*, где в качестве мотива будет выступать слово концептуального значения. Такое расширительное применение концепции Кадью и Визетти, на наш взгляд, оправдано. Категория *мотив* обладает по сравнению с *концептом* тем преимуществом, что мотив может быть выражен синтагмой в отличие от концепта, который представляет собой одно слово. Мотив – это своего рода один из инструментов реализации концепта в речи.

Проиллюстрируем высказанную гипотезу текстами из экономического дискурса. [38] Речь идет об одном из универсальных концептов (*кризис*), не имеющих культурной специфики. Между тем, мотивация политики, направленной на выход из кризиса, культурно маркирована: роль государства во французской экономике значительно сильнее, нежели в англо-саксонской традиции. Поэтому мотив "государство в период кризиса" релевантен для французского экономико-политического дискурса.

1. Когнемы, выявляющие вышеназванный мотив:

- *L'Etat relance modérément l'économie.- L'Etat relance fortement l'économie.*

(Государство умеренно осуществляет подъем экономики. – Государство сильно осуществляет подъем экономики.)¹

- *Accroissement modéré du déficit/ Accroissement massif et durable du déficit.*

(Умеренный рост дефицита/Массивный и устойчивый рост дефицита)

¹ Здесь и далее перевод с французского языка З.Н.Афинской..

- *L'Etat garantit les règles de marchés concurrentiels transparents/ Intervention del'Etat par des politiques industrielles et la réglementation.* (Государство гарантирует прозрачность конкурентных рыночных правил/ Вмешательство государства при помощи промышленной политики и регулирования).

2. Мотивация различных действий в период кризиса: каким образом государство *может /должно* влиять на ситуацию кризиса? Противопоставляется качество действия: умеренное влияние противопоставлено массивному и длительному воздействию:

а) *Réduction rapide du déficit/Réduction prudente du déficit.* (Быстрое сокращение дефицита/ Осторожное сокращение дефицита).

б) *Baisse générale des impôts. Hausse modérée des dépenses publiques/ Baisse des impôts surtout par l'augmentation très forte des dépenses publiques.* (Общее снижение налогов. Умеренный рост государственных расходов/ Снижение налогов за счет сильного увеличения государственных расходов.)

Противопоставлена также степень воздействия принимаемых мер, выраженная наречиями: *умеренно – очень сильно*. В этой бинарной оппозиции мотиваций семантическая релевантность связана не с действиями, а с их качеством и степенью: *умеренная* и *экспансивная* экономическая политика.

в) *Appel à plus de coopération européenne/ vers un gouvernement économique européen.* (Призыв к большей европейской кооперации/ направление движения к европейскому экономическому правительству).

В данном примере наблюдается случай концептуальной дихотомии, а именно: бóльшая европейская кооперация противопоставлена идее о европейском экономическом правительстве.

г) *Limiter la relance par les salaires et la consommation/ Politiques de soutien à la consommation par la hausse des salaires et à l'investissement* (лимитировать рост заработной платы и потребления/ политика поддержки потребления через повышение заработной платы и инвестиций).

Активная роль государства выражена в семантике глагола *лимитировать, ограничить*. Менее целенаправленная политика правительства выражена не

глаголами, а существительными широкого значения: *политика, меры*, вектор движения (к).

д) *Limiter le recours aux mesures non conventionnelles/Mesures non conventionnelles des banques centrales.* (Ограничить использование недоговорных мер/ Недоговорные меры центральных банков.

Бинарная оппозиция мотивов в данных выше примерах построена не на разном качестве одинаковых действий, а на различии в самих действиях: *ограничить/применить, гарантировать/вмешиваться, проводить политику.*

Тема, которую обсуждают экономисты - кризис в его отрицательной перспективе или «конец света» и в положительной перспективе или «выход из кризиса».

Мы видим, что мотивы этой темы различаются, в основном, не разными действиями, а степенью их проявления, их воздействия на экономику. Оппозиция между *modérement/fortement* иллюстрирует различие в степени воздействия государства на экономическую ситуацию. Мотивация двух оппозиционных научных сообществ, побудившая их предложить свое видение проблемы, практически одинакова: необходимо определить действия государства в период кризиса.

С позиций лингводидактики интересно обратить внимание на оппозицию слов, обозначающих качество: *умеренный/сильный, умеренный/массивный и длительный, умеренность/экспансивность; призывать к единству действия/создать единое европейское государство.* По сути, в скрытом виде опять-таки противопоставляется умеренная политика/активное действие.

Таким образом, языковая личность в качестве совокупности компетенций *человека говорящего*, направленных на создание и восприятие им текстов разной целевой направленности, обладает большим интеграционным потенциалом. На мотивационном уровне формируются устойчивые коммуникативные потребности, те цели, которые преследовал «человек говорящий» для того, чтобы выразить свои мысли и чувства, самую суть своих мыслей. Цели и мотивы, объединенные намерением языковой личности

высказаться, составляют единый мотивационный комплекс. Методика анализа языковой личности, предложенная Ю.Н.Карауловым, сопоставима во многом с семантической концепцией французских лингвистов П.Кадио и И.М.Визетти: тему задает субъект, языковая личность, «человек говорящий» (*l'homme de paroles*), в отсутствие которого невозможно собрать отдельные фразы в связанный дискурс. Эти теории отвечают на возникшую необходимость проработать более детально достаточно емкое понятие *концепт* с целью наиболее рационального представления его семантики в различных дискурсах.

6.Мотив и концепт

Актуализация мотивационного уровня характеристики языковой личности и роли мотива в ней произошла в связи с развитием концептологии. Осознанный, культурно значимый концепт, или, в терминах Ю.С.Степанова, «переживаемый», [27,с.41] обязательно мотивирован в индивидуальном и коллективном сознании. «Переживание» концепта подразумевает мыслительное освоение индивидуумом коллективного опыта, поэтому концепты «...находятся всегда в контексте, который образует последовательность эпизодов, представлений, микромотивов». [27,с.75-76]

Концепт, его мотивация и микромотивы образуют единый семантический комплекс, возникающий вследствие процесса осмысления действительности, приводящий к установлению регулярных, достаточно устойчивых контекстов, которые позволяют практическое применение устоявшихся представлений и формированию терминов-концептов.

Если концепт – это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [27,с.43], то мотив, на наш взгляд, предполагает использование этой ячейки культуры в качестве причины и побуждения для речевой деятельности. Мотив – это своего рода один из инструментов реализации концепта в речи, их связь в ракурсе лингвокогнитивистики очевидна, на что обращает внимание В.З.Демьянков: «*концепт* в значительной степени соответствует тому, что исследователи литературы называют *мотивом*») [12,с.34], связывая эти два

феномена с образностью, присущей текстам художественной литературы, или, как представляется, с «переживаемостью» как основной мотивационной характеристикой концепта, о которой писал Ю.С.Степанов.

Система единиц, с помощью которой можно проводить мотивационный анализ текстов, не может быть отдельно взятым словом, но и не пространственным текстом. Мотивация действий обусловлена как иррациональными, аффективными мотивами, различными чувствами, так и рациональными причинами.[41,с.104-105] Как сказала известная французская журналистка Франсуаза Жиру (*Françoise Giroud*), «gagne, dans tout combat, celui qui est prêt à mourir» («выигрывает в битве тот, кто готов погибнуть» – пер. З.А.) [36,с.245]. В таком подходе к этому явлению прослеживается сознательное подчеркивание рационального начала наших поступков. Рационализм мотивационных поступков подразумевает, четкое разграничение когнитивного и аффективного начал - когнитивные процессы являются регуляторами аффективных процессов, и личность представляет собой целостность переплетающихся между собой регуляций: я существую как личность потому, что я себя создаю и создаю сознательно.

Рациональному характеру мотивов противостоят неосознанное предчувствие, *судьба*. Эти квази-антонимические отношения *motivé-arbitraire* отражены в французских словарях: «Le coupable craint la loi, et l'innocent le sort» («Виновный боится закона, а невинный судьбы» – пер. З.А.) [36,с.51] Удельный вес мотивированных и немотивированных поступков в судьбе человека с трудом поддается измерению, поэтому в обычной речи, несвязанной с необходимостью формулировать причины и цели поступков, трудно четко разграничивать рациональные и аффективные мотивы, которыми руководствовался человек говорящий.

Когнитивная основа эмоций (они вызваны и мотивированы определенными мыслями) связана семантически с понятиями *желание, отношение к предмету желания, личностные характеристики*, что предполагает наличие как рациональных, так и аффективных мотивов деятельности личности. При этом,

иррациональный характер наших интересов и мотиваций, отнюдь, не противоречит, как кажется, рациональным идеям, сопровождающим их.

Согласно концепции социолингвистических типов дискурса В.И.Карасика, семиотическое пространство этого дискурса содержит три типа знаков: 1) термины, антропонимы и пр.; 2) символы; 3) неспециализированные знаки, «которые изначально не были сориентированы на данную сферу общения, но вследствие устойчивого функционирования в ней приобрели содержательную специфику (в частности, личные местоимения)».[15,с.281]

В качестве иллюстрации высказанных тезисов обратимся к анализу мотиваций речевой деятельности языковой личности в дискурсе социологической и политической сферы коммуникации. Одним из актуальных концептов в сфере французской социологии является *la cyberculture* (киберкультура). В концептосфере *киберкультура* значимы такие мотивы, как *le cyberspace, les systèmes de communication, la connexion, le cybermarchand*.

В отличие от концепта мотив обладает значительным преимуществом – он может быть сформулирован не одной лексемой, а фразой и более пространным текстом. Так, в сфере киберкультуры одной из значимых тем является преимущество киберкультуры перед традиционными культурными пространствами.[43] Эта тема поддерживается следующими мотивами:

1. Киберпространство – альтернатива масс-медиа (*L'émergence du cyberspace est le développement d'une alternative aux médias de masse*).
2. Альтернатива монополии официальных средств информации (*La fin des monopoles de l'expression publique*).
3. Растущее разнообразие способов выражения (*la variété croissante des modes d'expression*).
4. Возникновение и развитие виртуальных пространств и дистанционных контактов по интересам (*Le développement des communautés virtuelles et des contacts interpersonnels à distance par affinité*).

Мотивация, отражая в значительной степени эмоциональное отношение языковой личности к действительности, но и рациональные доводы,

представлена в виде возможной угрозы вытеснения национальных языков английским языком:

- Английский язык в настоящее время является языком-стандартом в сети (L'anglais est aujourd'hui, de fait, la langue standard du réseau).
- Большинство программ в интернете создается американскими производителями (Les institutions et les entreprises américaines forment la majorité des producteurs d'informations sur Internet)...

Мотивация как преодоление опасности, связанной с возможным исчезновением или ослаблением культурного разнообразия – одного из главных признаков современного общества – сводится к постулату о том, что развитие культурного пространства в интернете зависит от активности его участников и что давление официальной культуры гораздо слабее в интернете, чем в масс-медиа.

Отсутствие в этих доводах *за* и *против* явно выраженного субъекта речевой деятельности или языковой личности, или явно выраженной аффективности, с одной стороны, и того, к кому обращены эти мотивировки, с другой, создает определенные трудности восприятия речи несмотря на четкую формулировку. С позиции лингводидактики эти тексты, при всей их четкости, трудны для запоминания и синонимической трансформации, поскольку в них диалогизм, присущий «человеку говорящему», существенно ослаблен.

Таким образом, в силу близости по своему значению к слову общелитературного языка, благодаря также большой истории употребления в качестве термина многих наук, *мотив*, как и *мотивация*, становятся все более распространенными терминами в когнитологии и в лингвокультурологии; они могут результативно применяться в лингводидактике, так как позволяют узнавать не только о том, «что» сказано, но и «как» и «почему» это говорится.

Проиллюстрируем высказанные тезисы примерами из экономического дискурса. Речь пойдет об универсальных концептах, присущих многим культурам, таких как *бизнес*, *государственная политика*, *кризис*. Будучи константами европейской культуры, они обладают признаком

транслируемости, т.е. способности быть адекватно понимаемыми в разных национальных культурах, разными, подчас оппозиционными политическими силами внутри одного сообщества.[16,с.32] Между тем мотивация культурно маркирована. Например, роль государства во французской экономике традиционно значительно сильнее, нежели в странах англо-саксонской традиции. Поэтому мотив "государство в период кризиса" релевантен для французского экономико-политического дискурса.

Кризис – концепт в экономическом дискурсе и *мотив* дискуссий по поводу возможных выходов экономики Франции из кризиса. *Мотивы*, вербализованные и вычлняемые из контекста дихотомичны: отрицательная перспектива - «конец света» или положительная перспектива - «выход из кризиса». *Мотивации* действий государства сводятся к вопросу о том, каким образом государство *может/должно* влиять на ситуацию кризиса (пример №1) [38]:

- *L'Etat relance modérément l'économie.- L'Etat relance fortement l'économie.*
- *Accroissement modéré du déficit/ Accroissement massif et durable du déficit.*
- *Réduction rapide du déficit/Réduction prudente du déficit.*

Бинарная оппозиция мотивов выражена наречиями, признаком действия, показывающими степень воздействия государства (обобщенное воплощение языковой личности в данном контексте) на экономику: *modérément/fortement*. Значимость мотивов проводимой экономической политики выражена в нюансах воздействия разных агентов на ситуацию. Эти действия поданы в высказываниях экономистов как взаимоисключающие по сути, но характеризующиеся разной степенью признака действия: умеренное воздействие противопоставлено массивному и длительному влиянию. Бинарность мотивов поддерживается не глаголом, а прилагательным, не действием, а их признаком - *быстро/осторожно*.

Противопоставляется также степень воздействия возможно принятых мер: *умеренно (modéré) – очень сильно (très forte):.*

- Baisse générale des impôts. Hausse modérée des dépenses publiques/ Baisse des impôts surtout par l'augmentation très forte des dépenses publiques.

В примере №2 оппозиция концептов *бизнес/власть* объясняется двумя мотивами - *прозрачность конкуренции/ регламентирующая роль государства*- и построена не на разном качестве одинаковых действий, а на различии в самих действиях: *гарантировать/вмешиваться, проводить политику*. Концептуальная дихотомия выражена мотивами «необходимость в осторожных, продуманных действиях»/«бóльшая европейская кооперация», что, в свою очередь, противопоставлено идее о европейском экономическом правительстве:

- L'Etat garantit les règles de marchés concurrentiels transparents/ Intervention de l'Etat par des politiques industrielles et la réglementation.

- Appel à plus de coopération européenne/ vers un gouvernement économique européen.

В примере №3 речь идет о дихотомии мотивов «сдерживание роста зарплат/повышение зарплат и поддержка инвестиций» в достаточно резко выраженной оппозиции – «ограничить/поддержать»:

- Limiter la relance par les salaires et la consommation/ Politiques de soutien à la consommation par la hausse des salaires et à l'investissement.

Пример №4 интересен тем, что в нем наблюдается противопоставление активной роли государства (*лимитировать, ограничить*), выраженной инфинитивными конструкциями, которые, по сути, являются усеченной формой полного предложения с безличным оборотом *il faut*(мотивация «должно») и менее целенаправленной политики правительства. Эта мысль выражена не глаголами, а существительными широкого значения - *политика, меры*, - в которых, на наш взгляд, мотивация приобретает более неопределенный характер. Обозначен только вектор движения («к»), направление, в котором предстоит выстраивать политику.

- Limiter le recours aux mesures non conventionnelles et réversibilités stricte/ Mesures non conventionnelles des banques centrales.

Мотивация разных подходов к решению проблем формулируется с помощью исторических фактов, обращением к прошлому, что подтверждается использованием глаголов в прошедшем времени:

- Deux réalités historiques s'opposent : dans certains pays la nation a précédé l'Etat ; dans d'autres, l'Etat a construit la nation. Il en résulte une vision totalement opposée entre ceux qui tiennent l'Etat pour un simple instrument d'action collective et ceux qui tiennent l'Etat pour la matrice de la nation.

Таким образом, в политэкономическом дискурсе мотивы, представляющие оппозиционные позиции, отличаются, как правило, степенью применения тех или иных мер борьбы с кризисом. Мотивация в двух оппозиционных лагерях теоретиков-экономистов одинакова: необходимо определить действия государства в период кризиса. Мотивы (меры по выходу из кризиса) отличаются, в основном, по степени воздействия на экономику.

В производственной сфере, где наблюдается постоянное общение разных личностей, представителей разных социальных категорий, учет фактора мотивации чрезвычайно важен. Личность обладает тонкими и постоянно меняющимися мотивами своих поступков и, следовательно, не всегда может обозначить четко и однозначно мотивацию своих поступков, природу которой следует признать как рациональной, так и иррациональной.[41,с.94-98] Мотивация в значительной мере «питается» *интересом*, который есть «...внутреннее влечение, направляющее все наши силы к исследованию предмета».[9,с.169] Мы мотивированы на что-либо, потому что нам это интересно; без интереса как наибольшей мотивации не может успешно проходить процесс приобретения знаний и умений. Вызвать интерес к конкретной производственной деятельности, тем самым *мотивировать* работника на выполнение определенных задач – один из существенных аспектов деятельности департамента по человеческим ресурсам любого предприятия. Мотивация работника может быть совершенно разной, и было бы неправомерно сводить ее только к денежной (материальной) компенсации. На вопрос «Почему вы работаете?» список возможных мотиваций, включает более

десятка вариантов (мотивов), которые выявляют их рациональный и аффективный характер. Ответы респондентов: 1. Je gagne plutôt bien ma vie. 2. J'apprends beaucoup de choses ici et j'ai la possibilité de faire carrière. 3. Mon travail m'intéresse et je fais quelque chose d'utile.[35]

Как видим, мотивация индивидуальных личностей, участников повседневных производственных ситуаций, выражена полными предложениями с обозначенным субъектом-агентом «je». Те же доводы (мотивировки) формулируются дирекцией по персоналу в виде констатаций, другими лексическими (преимущественно абстрактная лексика) и синтаксическими (номинативные безагентивные конструкции) средствами: 1. Rémunération intéressante. 2. Possibilités de promotion et de perfectionnement. 3. Intérêt et utilité du travail.[35]

Безагентивные конструкции (nationaliser les agences de notation, prêter toujours plus, avec le moins de contraintes), безличные обороты (faut-il imposer les stricts contrôles), неопределенно-личные предложения (on peut faire confiance aux marchés financiers) выражают разные виды мотиваций, но весьма слабо отражают их антропоцентрический подтекст.

Подводя некоторые итоги, скажем, что мотивы поступков, план действий для их реализации и результат действий, намеченных планом, – такова триада понятий, формирующих процесс мотивации. Концепт и его мотивы и мотивация (рациональная и аффективная), представляют собой единый понятийный комплекс. Выявление мотивов позволяет «развернуть» исследование концептов в сторону языковой личности и антропоцентризма. Мотив высказывания, его причины – скрытые и явные – стали одним из важнейших элементов анализа речевой деятельности.

4. *Мотив и мотивация* в концепции мифологии Ролана Барта

Правомерность концептуальных исследований общепризнана, но их актуальность требует обоснования, так как они пересекаются с традиционным исследованием лексико-семантических групп, с фреймовым анализом. Их

актуальность, во многом, объясняется расширением гуманитарного знания, растущим интересом к этнокультурным характеристикам «человека говорящего», к мотивационному уровню анализа языковой личности – проблематике, введенной в лингвокультурологию и когнитивистику Ю.Н.Карауловым[18].В рамках этих научных направлений сформировалась сфера основных понятий – концепт, концептосфера и др. Но расширение поля исследований вызывает необходимость появления новых терминов – наряду с *концептом* все большую актуальность приобретают такие понятия как *образ, тема, мотив, дискурс*. Освоение и внедрение новой терминологии говорит об актуальности лингвокультурологии, о потенциале ее развития в направлении комплексного изучения таких понятий, как «человек говорящий», национальная языковая личность, язык и ментальность, материальная, духовная и повседневная культура [8].

Мотив в качестве одного из понятий когнитивной лингвистики [12, с.34] был внедрен во французскую семиологию Роланом Бартом (Roland Barthes, 1915-1980), причем Р.Барт на этом направлении стремился найти пути сближения языка семиотики с повседневностью, с теми фактами жизни общества, которые усваиваются преимущественно через массмедиа. Поиски единства мира и слова, взаимодействие значения слов и создаваемой ими картины мира, изменение смысла слова в политическом дискурсе – эта тематика лежит в основе конституирующих мотивов мифологии Ролана Барта.

Мифы современного общества, согласно концепции Р.Барта, порождены смыслами, которые внедряются в общественное сознание через языковые штампы, клише, навязываемые, в частности, современными СМИ. Языковая личность существует в особом, зачастую вымышленном мире – мире языковых штампов, которые порождают общественное мифотворчество. Исследуя дискурсы современного общества, Барт пришел к убеждению в том, что содержание мифа, его мотивы всецело актуальны при том, что словесное выражение мифа может опираться как на неологизмы, так и на существующие языковые модели, штампы, клише. Современный миф дискретен; он

высказывается в виде дискурса, стереотипных фраз, а не как большой рассказ. Можно сказать, опираясь на семиотические исследования Ю.С.Степанова, что естественным ареалом современного мифотворчества является дискурс, подтверждая его гипотезу о том, что дискурс является «в с е г да (здесь и далее в цитате разрядка автора), в том числе и в наши дни, выражением к а к о й -т о мифологии» [26, с.41].

Миф, по Барту, будучи качественной характеристикой общества в каждый данный момент, с одной стороны, актуален, а с другой, и принадлежит коллективной памяти этноса и всегда мотивирован, но в разной степени, как в плане содержания, так и в своей форме: «В мифе есть два момента, делающих его предметом истории, - форма, которая мотивирована лишь относительно, и понятие, которое исторично по своей природе» [5,с.199]. Мотивация возникает в процессе осмысления нескольких мотивов-причин, которые могут иметь скрытую, невербализованную форму, что не снижает их значимости в формировании мифа, а их выявление становится объектом изучения для семиотики. Мотивация понимается Бартом как объяснение фактов действительности, как аргумент логики здравого смысла. Напротив, все то, что кажется необычным, противоречащим здравому смыслу, объявляется немотивированным явлением, выпадающим из причинно-следственных отношений - базового принципа логики здравого смысла. Так, отсутствие четко выраженной мотивации в политических высказываниях создает у слушателей впечатление легковесности доводов, их необоснованности или даже сокрытия истинных мотивов. Тем самым возникает эпистемологический разрыв между властью и обществом, который служит источником новой политической мифологии: «Всякий раз как нечто видимое кажется немотивированным, здравый смысл бросает в бой тяжелую кавалерию символа...., поскольку он, несмотря на свою абстрактную сторону, объединяет зримое с незримым под знаком количественного равенства (одно *значит* другое)» [5, с.152].

Мотивы – повторяющиеся в тексте элементы сюжета, темы произведения и концептосферы языковой личности. Так, «творчество Жюль Верна, - писал

Р.Барт, - ... могло бы составить хороший объект для структурной критики; оно богато устойчивыми мотивами»; мотивы путешествия, освоения пространства «имеют противовесом разработку мотивов укромности...» [5,с.144] Устойчивые, повторяющиеся мотивы обладают свойством бинарности, дихотомии, которое было положено К.Леви-Строссом в основание своей концепции культуры.

Используя понятие «мотив», Ролан Барт, тем не менее, не формулирует его строгое терминологическое содержание. Мотив в контексте мифологии Р.Барта скорее выступает если не синонимом, то аналогом понятий *образ* и *тема*, принятых в литературной критике и в философии, развивая идеи французского эпистемолога Гастона Башляра, одного из основателей структурного метода в литературной критике. У Башляра в значении существенного и повторяющегося элемента мифа находим такие термины как *thème*, *mythologème*, *archétype* (тема, мифологема, архетип) [32, с.114-116].

В эпоху наукоцентризма (начиная с 60-ых годов XX века) в мировой культуре, в эпоху победившей научно-технической революции степень отрыва науки, с одной стороны, от повседневности и от национальной культуры, с другой, становилась достаточно ощутимой. Р.Барт обратился к исследованию мифологического содержания дискурса социологии и политологии, представляющих одно из актуальных научных направлений. Согласно его теории, миф создается на основе нескольких мотивов, каковым может стать биография известного ученого, как например, жизнь и научное творчество Эйнштейна. В этом мифе, созданном современным обществом, «... присутствуют все характерные мотивы гностицизма: природа едина, мир в идеале сводим к одной основе, слово обладает силой открытия, речь испокон веков борется с тайной, целостное знание может быть открыто лишь все сразу, подобно замку сейфа, который после множества неудачных попыток внезапно срабатывает» [5, с.157]. Эти мотивы перетекают из описания творчества одного ученого в биографии других ученых; они становятся схемой для определенного

дискурса, востребованного обществом, воспитанного на актуальной политической мифологии.

«Найти смысл для формы» – так можно было бы, по Барту, сформулировать потребности в мотивации дискурсов. «В мифе как таковом смысл никогда не бывает в нулевой степени, - писал Р.Барт, - и как раз поэтому он может деформироваться и натурализоваться понятием... отсутствие смысла – совсем не то же самое, что его нулевая степень; оттого-то миф так хорошо и завладевает таким отсутствием, приписывает ему значение «абсурда», «сюрреализма» и т.д.» [5, с.292] Абсурд возникает вследствие невозможности рационально интерпретировать коммуникативный акт [16, с.44-57], осознать рациональную мотивацию этого акта. Отсутствие вербализованной мотивации поэтического образа не может рассматриваться как его недостаток: если есть повторяющиеся, релевантные мотивы (пусть даже в созвучиях или в сочетании цветов) они неизбежно складываются в определенную картинку-символ-образ. А образ всегда мотивирован – звукосочетаниями, цветом, музыкой, желанием творить. Мотивация связана с установлением причин совершившихся фактов, будучи констатацией того, «что происходит во фрагменте мира».[26, с.71]

Устойчивые мотивы создают прочный фундамент целостного повествования; в мифе «...значение никогда не бывает вполне произвольным, оно всегда частично мотивировано, неизбежно содержит в себе долю аналогии; ... мотивированность мифа обусловлена самой его двойственностью – миф играет на аналогии между смыслом и формой, нет такого мифа, где бы форма не была мотивирована».[5,с.285] Наличие логической и психологической мотивации отличает миф от абсурда.

В политической мифологии, которую можно рассматривать как комплекс стереотипов, осознанно, порождаемых в СМИ, одним из наиболее значимых, по мнению Барта, мотивов является мотив разрыва, непонимания между обыденным сознанием и политикой, проводимой определенным режимом. Мотивация критики современного общества, по Р.Барту - сводится к тому, чтобы найти смысл бессмысленным, с точки зрения философа, тенденциям его

развития. Идеологическая тематика современного мифотворчества продуцирует такие мотивы, как «толпа и власть, политическое мифотворчество, массмедиа, манипулирование общественным мнением...»[13,с.16]

Концепция Р.Барта не лишена и внутренней противоречивости, которую, на наш взгляд, можно было бы объяснить таким конституирующим признаком концепта как бинарность, или внутренняя амбивалентность, или дуализм и антитеза: «мифу не мешает даже полное отсутствие всякой мотивации, ибо само это отсутствие оказывается настолько объективировано, что уже поддается чтению; и вот отсутствие мотивации само становится вторичной мотивацией, восстанавливая в правах миф. Мотивация здесь фатально неизбежна. Вместе с тем она сугубо фрагментарна» [5, с.286].

Ролан Барт создал собственную систему *мотиваций* возникновения и создания мифологии современного общества. Первый этап на этом пути называется «мистификация», или подмена одного слова другим, менее понятным обычному члену общества, для обозначения какого-либо социального явления. Далее идет процесс «объяснения» созданной мистификации – для найденного слова-термина, служащего формой идеи, подыскивается для нее новый смысл. Видимая беспричинность созданной мистификации необходима, чтобы новый миф обретал статус естественного порождения, а новая семантика использованных слов не противоречила бы общепринятому значению. Миф должен быть мотивирован с разных точек зрения – исторически, социально, психологически.

Таким образом, опираясь на наиболее емкое до настоящего времени определение мотива в качестве литературоведческого термина, предложенное И.В.Силантьевым, и несколько уточняя его с учетом его лингвокультурологической и лингвоконцептуальной значимости, включенности в представления о концептосфере, дискурсе и языковой личности, будем считать, что мотив - это а) содержательно значимая единица дискурса, сопоставимая с когнемой, б) интертекстуальная в своих реализациях, в) вариантная в своих дискурсивных реализациях, г) соотносящая в своей

семантической структуре предикативное начало с актантами (профилями) и пространственно-временными признаками. К тому же, мотивы не всегда бывают четко выражены в речевых актах. Требуется использование самых различных показателей - фонетических, лексических, синтаксических – для выявления их специфики в различных институциональных (социологический, экономический) дискурсах и в нарратологии. Использование категории мотива позволяет более объемно и разнопланово представить ту или иную концептосферу и мотивационный уровень языковой личности.

Литература

1. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений (4-е изд. вышло в 1915 г.)- М.,: Русские словари, 1994.
2. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М., 1999.
3. *Афинская З.Н.* Языковая личность в контексте взаимодействия науки и культуры (на материале французского языка). – Прага, 2013.
4. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с франц. – М., 1955.
5. *Барт Р.* Мифологии/ Пер. с фр. – М., 2010.
6. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и базисные концепты. – М., 2011.
7. *Ветловская В.Е.* Анализ эпического произведения. Проблемы поэтики. – СПб, 2002.
8. *Воробьев В.В.* Культурологическая парадигма русского языка. Теория описания языка и культуры во взаимодействии. – М., 1994.
9. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология. – М., 2008.
10. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология: На материале французского и русского языков. Изд. 2-е. – М., 2010.
11. *Демьянков В.З.* «Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста». Вып. 2 «Методы анализа текста»//Всесоюзн. Центр переводов. Тетради новых терминов, 39 – М., 1982.

12. Демьянков В.З. Цивилизационные параметры когниции: лингвистика – эстетика – этика – психология – логика // Вопр. когнитивной лингвистики, №1, 2013.
13. Загрязкина Т.Ю. с.16. Культура повседневности: миф или реальность? Или от обыденного до особенного один шаг// Франкофония: культура повседневности: Уч. пос. – Под ред. Т.Ю. Загрязкиной. – М., 2013.
14. Ильин Е.П. Мотивация и мотив.- СПб.: Питер, 2000.
15. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
16. Карасик В.И. Этноспецифические концепты //Иная ментальность. – М., 2005.
17. Караулов Ю.Н. Русский парадоксальный человек в парадоксальном мире Достоевского/Россия и русские в восприятии инокультурной языковой личности. – М., 2008.
18. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М., 2010.
19. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М., 1986.
20. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. – М., 2012.
21. Леви-Стросс К. Структура и форма (Размышления над одной работой Владимира Проппа)/Зарубежные исследования по семиотике фольклора. Сб. статей. – М., 1985.
22. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. Изд. 6-е. – М., 2010.
23. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. – М., 1988.
24. Силантьев И.В. Поэтика мотива. – М., 2004.
25. Скредина Л.М. Школа Гийома: психосистематика: Учеб. Пособие. – М., 2009.
26. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности/ Язык и наука конца 20 века. Под ред. акад. Ю.С. Степанова. – М., 1995.

27. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М., 2004.
28. *Степанов Ю.С.* Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности».- Калуга,2010.
29. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2004.
30. Толковый словарь русского языка в 4 т./ Сост. В.В.Виноградов и др.: Под ред. Д.Н.Ушакова. – М., 1994.
31. *Шатин Ю.В.* Мотив и контекст.//Роль традиции в литературной жизни эпохи. Сюжеты и мотивы. Новосибирск, 1995.
32. *Bachelard G.* La poétique de la rêverie. – Paris, 1999.
33. *Cadiot P., Visetti Y.-M.* Pour une théorie des formes sémantiques : motifs, profils, thèmes. – Paris,2001.
34. *Cadiot P., Visetti Y.-M.* Motifs et proverbes. Essai de sémantique proverbiale. – Paris, 2006.
35. *Danilo M., Tauzin B.* Le français de l'entreprise. – Paris, 1990.
36. *Fabre Fr.* Dictionnaire des idées non-reçues.- Paris, 1994.
37. *Florès C.* La mémoire. - Paris 1987.
38. Fin de monde ou sortie de crise ? /Sous la direction de *P.Dockès et J.-H.Lorenzi.* – Paris, 2009.
39. *Gross G., Prandi M.* La finalité. Fondements conceptuels et genèse linguistique. – Bruxelles, 2004.
40. *Hagège Cl.* L'homme de paroles : contribution aux sciences humaines. – Paris, 1966.
41. *Jardillier P.* La psychologie du travail. – Paris, 1986.
42. Le Petit Larousse. – Paris, 2007
43. www //Les Echos, 2004.